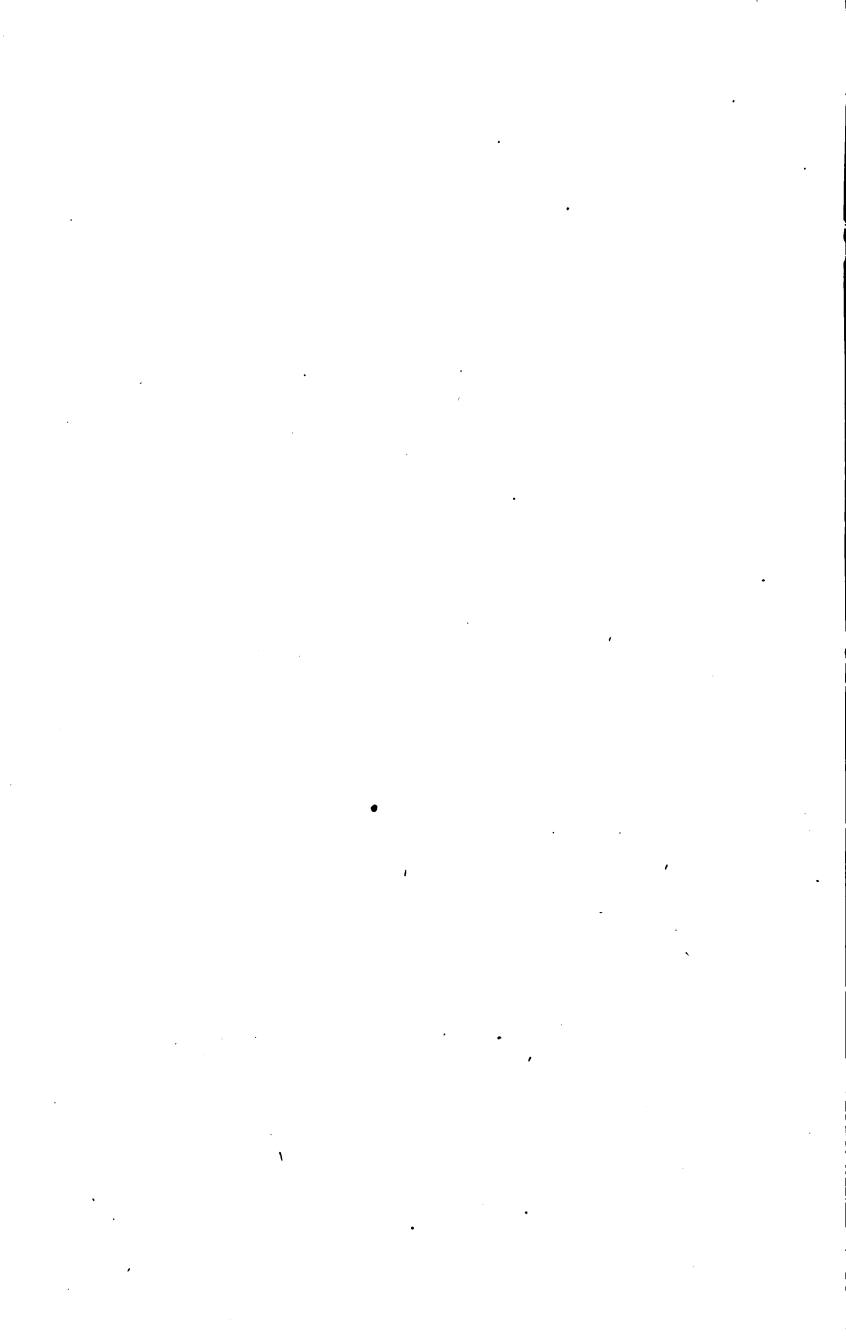

ШИЛЛЕРЪ

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

ШИЛЛЕРА

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

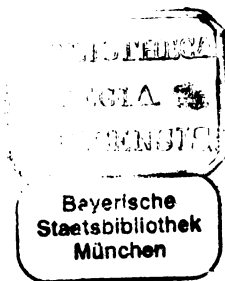
НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

IV

СААНТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1858

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 30 января 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Приготовляя къ изданію четвертый и послѣдующіе томы «Шиллера въ Переводѣ Русскихъ Писателей», я нашелъ необходимымъ нѣсколько измѣнить, предположенный мною въ началѣ, порядокъ распредѣленія драмъ по книжкамъ; именно, вмѣсто того, что бы придерживаться хронологическаго порядка изданія ихъ въ свѣтъ Шиллеромъ, я призналъ за лучшее соединять, по возможности, переводы одного писателя въ одномъ томѣ, конечно, за исключеніемъ трилогіи — «Валленштейнъ», которая, по своему содержанію, не можетъ быть раздѣлена, и потому войдетъ цѣликомъ въ слѣдующій (пятый) томъ моего изданія, не смотря на то, что надъ переложеніемъ ея на русскій языкъ трудилось три переводчика. Цѣль

этого измѣнѣнія — придать нѣкоторый характеръ единства переводамъ, если не всего изданія, то хотя нѣкоторыхъ его частей. Подъ вліяніемъ этой мысли, составлены мною третій и четвертый томы «Шиллера».

Переводъ драмъ — «Мессинской Невѣсты» и «Вильгельма Телля», составляющихъ содержаніе четвертаго, нынѣ вышедшаго, тома «Шиллера» — принадлежитъ Федору Богдановичу Миллеру. Первая изъ нихъ переведена вновь, и является здѣсь въ первый разъ, а вторая — исправлена и дополнена переводчикомъ. Русская читающая публика уже была знакома съ ними прежде по переводамъ А. Г. Ротчева, изданнымъ въ 1829 году. Кстати помѣщая здѣсь полный списокъ переводовъ обѣихъ драмъ:

I.

1. Мессинская Невѣста. *Трагедія Шиллера. Перевелъ А. Ротчевъ. Москва. 1829.*

Кромѣ того мы имѣемъ еще два отрывка изъ «Мессинской Невѣсты». Вотъ они:

2. *Отрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи.* (Сцена первая, выходы третій и четвертый). Переводъ К. Батюшкова. («Московский Телеграфъ», 1828, т. XIX, стр. 34).

3. *Дѣя сцены изъ «Мессинской Невѣсты» Шиллера.* Переводъ *О. Миллера.* («Москвитянинъ», 1855, № 19 и 20, отд. I, стр. 57).

II.

1. Вильгельмъ Телль. *Трагедія Шиллера.* Перевелъ *А. Ротчевъ.* Москва. 1829.
2. Вильгельмъ Телль. *Трагедія Шиллера.* Переводъ *О. Миллера.* («Москвитянинъ», 1843, № 8, отд. I, стр. 1).

Кромѣ поименованныхъ двухъ полныхъ переводовъ, мы имѣемъ еще три отрывка изъ этой трагедіи. Вотъ они:

3. *Первое дѣйствіе изъ трагедіи Шиллера «Вильгельмъ Телль».* Переводъ *С. Шевырева.* («Московский Вѣстникъ», 1829, ч. I, стр. 1).
4. Вильгельмъ Телль. *Драма Шиллера. Первый актъ.* Переводъ *Н. Борисова.* («Сынъ Отечества», 1842, № VIII, отд. IV, стр. 1).
5. *Сцена изъ драмы Шиллера «Вильгельмъ Телль»* (второе явленіе третьяго дѣйствія). Переводъ *Н. Борисова.* («Астраханскій Сборникъ», 1844, стр. 66).

Въ приложеніи къ четвертому тому помѣщаю

отрывокъ изъ «Мессинской Невѣсты» (3-й и 4-й выходы первой сцены) въ переводѣ Батюшкова и нѣсколько лирическихъ стихотвореній Шиллера (въ томъ числѣ большую его балладу «Истуканъ Изиды»), не вошедшіе въ I и II томы моего изданія, въ переводахъ: Б. Н. Алмазова, Г. П. Данилевскаго, Л. К — го, М. Л. Михайлова и А. С. Пушкина. «Истуканъ Изиды» помѣщенъ уже въ переводѣ г. Михайлова во второмъ томѣ «Шиллера» (стр. 114). Нынѣ, не будучи доволенъ своимъ первымъ переводомъ, сдѣланнымъ имъ въ раннюю пору своей литературной дѣятельности, г. Михайловъ перевелъ балладу вновь, и этотъ-то переводъ помѣщенъ въ нынѣ вышедшемъ томѣ.

Вмѣстѣ съ *четвертымъ* томомъ «Шиллера» я думалъ выпустить въ свѣтъ и пятый, куда долженъ войти весь «Валленштейнъ», но непредвидѣнные, не зависящіе отъ меня обстоятельства помѣшали исполненію этого предположенія, и отдали выпускъ книжки на нѣкоторое время.

Ш. Гербель.

18-го апрѣля 1858 года.
С. Петербургъ.

МЕССИНСКАЯ НЕВЪСТА

ИЛИ

ВРАЖДУЮЩІЕ БРАТЪЯ

ТРАГЕДІЯ СЪ ХОРАМИ

Переводъ Федора Миллера

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Донна Изабелла, мессинская королева.

Донъ Мануилъ, }
Донъ Цезарь, } ея сыновья.

Беатриса.

Діеґо.

Гонцы.

Хоръ, состоящій изъ свиты обоихъ братьевъ.

Старѣйшины Мессины (лица не говорящія).

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ХОРА ВЪ ТРАГЕДІИ.

Поэтическое произведеніе должно само себя оправдывать, и гдѣ не говоритъ за себя дѣло, тамъ слова мало помогутъ. Такимъ образомъ можно было бы предоставить и хору говорить въ свою защиту, если бѣ онъ могъ быть исполненъ надлежащимъ образомъ. Но драматическое произведеніе составить одно полное цѣлое только въ сценическомъ представленіи; поэтъ даетъ одни слова; чтобъ оживить ихъ, должно призвать на помощь музыку и танцы. Пока у хора нѣтъ этихъ могущественныхъ спутниковъ, онъ въ составѣ трагедіи будетъ казаться чѣмъ-то лишнимъ, чѣмъ-то постороннимъ, какъ бы остановкою, прерывающею ходъ дѣйствія, разрушающею очарованіе, охлаждающею зрителя. Чтобъ отдать хору его право, должно перенестись отъ дѣйствительной сцены къ возможной: это необходимо вездѣ, гдѣ мы хотимъ достигнуть чего-нибудь высокаго. Чего искусство не имѣетъ, то должно ему пріобрѣсти; случайный недостатокъ во вспомогательныхъ средствахъ не долженъ ограничивать твор-

ческую фантазію поэта. Онъ поставляетъ себѣ цѣлю самое достойнѣйшее, онъ стремится къ идеалу, — при-
норавливаясь къ обстоятельствамъ есть дѣло искусства исполняющаго.

Говорятъ обыкновенно, что публика унижаетъ искусство; это не правда: художникъ унижаетъ публику, и во всѣ времена, гдѣ искусство приходило въ упадокъ, это происходило отъ художника. Публикѣ нужна только воспримчивость, и она ею обладаетъ. Она ожидаетъ поднятія занавѣса съ какимъ-то неопредѣленнымъ желаніемъ, съ многостороннею готовностію. Она способна ко всему высокому; она восхищается разумнымъ и правдивымъ, и если сперва довольствовалась ничтожнымъ, то навѣрное кончитъ тѣмъ, что станетъ требовать превосходнаго, если уже получила о немъ понятіе.

Возразятъ: хорошо поэту творить по идеалу, хорошо цѣнителю искусства судить по идеямъ; условленное, ограниченное исполняющее искусство основывается на потребности. Директоръ хочетъ выручки, актеръ хочетъ показать себя, зритель хочетъ быть занятъ, хочетъ быть въ движеніи. Онъ ищетъ только удовольствія, и бываетъ недоволенъ, если ему навязываютъ усиліе тамъ, гдѣ онъ ожидалъ забавы и отдохновенія.

Но, рассматривая сцену съ болѣе серьезной точки зрѣнія, желаютъ не уничтожить, но облагородить удовольствіе зрителя. Пусть это будетъ игра, но игра поэтическая. Все искусство посвящено удовольствію,

и нѣтъ задачи, болѣе высокой и важной, какъ осчастливить человѣка. Истинное искусство есть то, которое доставляетъ высшее наслажденіе. А высшее наслажденіе есть свобода духа въ живой игрѣ всѣхъ его способностей.

Каждый человѣкъ ожидаетъ отъ искусствъ воображенія нѣкотораго освобожденія отъ предѣловъ дѣйствительности; онъ хочетъ наслаждаться возможнымъ и дать волю своей фантазіи. 'Даже и тотъ, кто всего менѣе ожидаетъ, хочетъ забыть свои дѣла, свою обыкновенную жизнь, свою индивидуальность, хочетъ чувствовать себя въ необыкновенныхъ положеніяхъ, испытывать на себѣ странное стеченіе случайностей; если онъ болѣе возвышенной природы, онъ ищетъ на сценѣ нравственныхъ законовъ судьбы, которыхъ не находитъ въ дѣйствительной жизни. Но онъ знаетъ самъ очень хорошо, что забавляется только пустою игрою, что онъ собственно наслаждается только мечтами, и если отъ сцены возвратится въ міръ дѣйствительный, онъ охватитъ его опять своею гнетущею тѣсною и по прежнему сдѣлаетъ его своею добычею; потому что міръ остался, какимъ онъ былъ, да и въ зрителѣ не произошло никакой перемѣны. Чрезъ это не выиграно ничего, кромѣ пріятнаго заблужденія минуты, исчезнушаго съ пробужденіемъ.

И потому-то именно, что здѣсь расчитывается только на проходящее очарованіе, достаточно одного признака истины или пріятнаго правдоподобія, которымъ такъ охотно замѣняютъ истину.

Но истинное искусство не рассчитывает только на преходящую забаву: оно имѣетъ цѣлю не погрузить человѣка въ минутный сонъ свободы, но сдѣлать его дѣйствительно свободнымъ, и достигаетъ этого тѣмъ, что возбуждаетъ и развиваетъ въ немъ силу, отъ которой весь чувственный міръ, тяготящій на насъ, какъ масса грубой матеріи, гнетущій насъ, какъ слѣпая власть рока, удаляется въ объективную даль, преобразуется въ свободное дѣйствіе нашего духа, — и матеріальное подчиняется идеальному.

И вотъ на основаніи того, что истинное искусство требуетъ чего-то вещественнаго и объективнаго, оно не можетъ довольствоваться однимъ призракомъ истины: на самой истинѣ, на твердомъ и глубокомъ основаніи природы воздвигаетъ оно свое идеальное зданіе.

Но какимъ образомъ искусство, будучи совершенно идеальнымъ, должно быть въ глубокомъ смыслѣ и вещественнымъ, оставляя совершенно все дѣйствительное, должно и можетъ во всей точности согласоваться съ природою, — это понятно только для немногихъ и часто искажаетъ воззрѣніе на произведенія поэзіи и пластики, ибо оба эти требованія въ обыкновенномъ сужденіи кажутся совершенно уничтожающими другъ друга.

И обыкновенно бываетъ, что, стараясь достигнуть одного, жертвуютъ другимъ, и поэтому не достигаютъ ни того, ни другаго. Кого природа надѣлила вѣрнымъ взглядомъ и глубокимъ чувствомъ, но лишила творческой силы воображенія, тотъ будетъ вѣрнымъ

живописцем дѣйствительности, онъ схватитъ только случайныя явленія, а не духъ природы. Онъ передастъ намъ только вещество міра, но это не будетъ уже собственнымъ нашимъ твореніемъ, не будетъ свободнымъ произведеніемъ нашего творящаго духа, и потому не можетъ имѣть благотѣльнаго дѣйствія искусства, состоящаго въ свободѣ. Важно, но не радостно бываетъ впечатлѣніе, съ которымъ отпускаетъ насъ подобный художникъ или поэтъ, и мы съ огорченіемъ видимъ себя перенесенными искусствомъ, долженствующимъ дать намъ свободу, въ тѣсный кругъ обыкновенной дѣйствительности. Напротивъ того, надѣленный живою фантазіею, но не имѣющій чувства и характера, не заботится объ истинѣ, но только играетъ веществомъ, хочетъ только удивить насъ фантастическимъ и страннымъ сцѣпленіемъ, и такъ какъ все его твореніе есть только пѣна и призракъ, то оно, хотя и будетъ занимательно на одно мгновеніе, но ничего не оставитъ, не воздвигнетъ въ душѣ. Его игра, какъ и важность перваго, не будетъ поэзіей. Произвольно сцѣплять фантастическіе образы не значить дѣйствовать по идеалу, а подражательно воспроизводить дѣйствительность не значить изображать природу. Оба требованія такъ мало противоположны одно другому, что они скорѣе составляютъ одно и то же: искусство только тогда бываетъ истиннымъ, когда, оставляя дѣйствительность, дѣлается совершенно идеальнымъ. Самая природа есть только одна идея духа, которая никогда не подчиняется чувствамъ. Она облечена покровомъ явленій, но сама ни-